

ИГРА
БЕЗ КОЗЫРЕЙ

ГЛАВА 1

Я не очень дорожил работой, пока не получил пулю в живот и чуть не потерял эту работу вместе с жизнью. Но кусок свинца тридцать восьмого калибра превратил мои кишки в перечницу, и я остался лежать на полу с таким пожаром в животе, какого еще никогда не испытывал. Впрочем, иначе я бы никогда не встретил Занну Мартин и до сих пор крепко держался бы за паутинку минувших радостей, никому не нужный и, главное, надевший самому себе.

Эта пуля стала первым шагом к освобождению, но тогда я так не думал. Я подставил себя под выстрел потому, что мне было на все наплевать. А плевал я на все потому, что мне было скучно.

В больнице я, понемногу придя в себя, обнаружил, что нахожусь в отдельной палате, за которую несколько дней спустя получил фантастический счет. Едва открыв глаза, я уже пожалел, что не попрощался с этим миром насовсем. Кто-то разжег у меня в животе костер.

Прямо над моей головой шла беседа в раздраженных тонах. После наркоза путанные мысли вяло дрейфовали в мозгу, будто облака в летнем небе. Без всякого энтузиазма я попытался понять, о чем идет спор.

— Нельзя ли ему что-нибудь дать, чтобы он быстрее проснулся?

— Нельзя.

— Понимаете, мы ничего не можем сделать, пока не услышим от него, что произошло. Уже почти семь часов, как вы закончили операцию.

— А до этого он четыре часа лежал на операционном столе. Вы хотите закончить то, что начал выстрел?

— Доктор...

— К сожалению, вам придется подождать.

«Этот парень на моей стороне, — подумал я. — Пусть подождут. Зачем мне спешить в этот скучный мир? Почему бы не проспать целый месяц и, когда они погасят этот костер в животе, вернуться к обычным делам?»

Я нехотя открыл глаза.

Оказывается, была ночь. Электрический шар сиял посреди потолка. Теперь посчитаем. Когда рассылный Джонс нашел меня, истекающего кровью, на полу офиса и побежал к телефону, было утро. Значит, с тех пор, как мне сделали первый укол, прошло двенадцать часов. Интересно, хватит ли двадцати четырех часов паникующему неудачливому проходимцу, чтобы незамеченным удрать из страны?

Слева от меня стояли два полицейских — один в форме, другой в штатском. Оба блестели от пота, потому что в палате было очень жарко. Доктор справа переливал что-то из бутылки в колбу, откуда жидкость по трубочке текла мне в руку. Другие трубочки тянулись к нижней части тела, наполовину прикрытые марлей. Капельница и дренаж... Мысленно я усмехнулся. Очаровательно.

Рэднор стоял в ногах кровати, смотрел на меня и не принимал участия в продолжающемся споре между медициной и законом. Никогда бы не поверил, что стою так дорого: сам шеф пришел ко мне в больницу. Но потом я понял, что не каждый день кто-либо из его служащих устраивает такие неприятные спектакли.

— Он пришел в сознание, — сказал Рэднор. — И глаза не такие затуманенные, как раньше. Теперь мы, наверно, услышим от него что-то осмысленное. — И он взглянул на часы.

Доктор склонился надо мной, пощупал пульс и кивнул:

— Пять минут. Ни секундой больше.

Полицейский в штатском на долю секунды опередил Рэднора:

— Можете сказать, кто в вас стрелял?

К моему удивлению, говорить было ужасно трудно, но не так, как утром, когда они задавали мне тот же вопрос. Тогда я вообще не мог выговорить ни слова, потому что далеко ушел из этого мира. Теперь я вступил на путь, ведущий назад, но прошел совсем немного. Полицейский несколько раз повторил свой вопрос и долго ждал, пока я выговорю ответ:

— Эндрюс.

Имя ничего не значило для полицейского, но Рэднор выглядел удивленным и разочарованным:

— Томас Эндрюс?

— Да.

— Я уже говорил вам, что Холли, вот он, и другой мой оперативник устроили засаду, чтобы раскрыть одно дело, которое мы расследуем. По-моему, они надеялись поймать крупную рыбу, а получилось, что наживку схватила мелюзга, — объяснил полицейским Рэднор. — Эндрюс — мелкая сошка, слизняк, его использовали в основном как рассыльного. Никогда бы не подумал, что он носит оружие и может выстрелить.

И я тоже не думал. Эндрюс неумело вытащил револьвер из кармана куртки и трясущейся рукой направил на меня. Ему пришлось нажать на курок двумя руками. Если бы я не увидел, что на нашу наживку клюнул всего лишь Эндрюс, то никогда бы не вышел из темноты умывальной комнаты. Я собирался спросить у него, зачем он в час ночи вломился в офис агентства Ханта Рэднора. Мне и в голову не приходило, что он решится напасть на меня, а тем более выстрелить.

Когда я наконец понял, что он и в самом деле готов спустить курок, а не просто машет револьвером для пущего эффекта, было уже поздно. Едва я повернулся, чтобы выключить свет, как пуля по диагонали прошла через мое тело.

Когда я упал, он, всхлипывая и охая, на заплетающихся ногах побежал к дверям с побелевшим от испуга лицом и заячьим страхом в глазах. Он сам не верил в то, что сделал, и был почти в таком же ужасе, как я.

— Когда был сделан первый выстрел? — спросил полицейский.

— Примерно в час ночи, — после паузы ответил я.

Доктор глубоко вздохнул. Он мог не говорить, я и так знал, как мне повезло, что я остался жив. Слабея с каждой минутой, я лежал на полу холодной сентябрьской ночью и с отвращением глядел на бесполезный телефон. Все телефоны в офисе работали через коммутатор. «С таким же успехом можно добраться до луны», — думал я, представляя длинный коридор, винтовую лестницу и дверь в дежурку, где крепко спала телефонистка.

— Описание Томаса Эндрюса я узнаю у кого-нибудь другого, — сказал полицейский, записав в блокнот мой ответ. — Но я был бы рад, сэр, если бы вы вспомнили, во что он был одет.

— Черные джинсы. Очень тесные. Оливковый свитер. Поношенная черная куртка. — Я помолчал. — Черный меховой воротник. Черная с белым клетчатая подкладка. Все потертое... и грязное. — Я опять помолчал, набираясь сил. — Револьвер у него был в кармане куртки справа... Он унес его с собой...

— Ботинки?

— Не видел.

— Что-нибудь еще?

Я подумал.

— Какие-то нашивки... Название клуба, череп и скрещенные кости, что-то вроде этого... на куртке, на левом рукаве.

— Понимаю. Хорошо, теперь мы начнем работать. — Он хлопнул блокнот, улыбнулся и быстро направился к двери, за ним его коллега в форме и Рэднор — наверное, чтобы дать описание Эндрюса.

Доктор опять пощупал у меня пульс, проверил, как поступает жидкость из капельницы, и на его лице отразилось удовлетворение.

— У вас лошадиный организм, — весело сказал он.

— Нет, — возразил вернувшийся Рэднор. — Лошади — очень деликатные создания. У Холли организм жокея. Жокея стипль-чеза, кем он и был раньше. Его тело способно гасить удары, оно привыкло ко всяким переломам, ушибам, травмам, которые он получал на скачках.

— А что случилось с его рукой? Упал, когда брал препятствие?

Рэднор быстро взглянул на меня и тут же отвел глаза. В офисе никто и никогда не упоминал о моей руке. Никто, кроме моего коллеги Чико Бернса, с которым мы вместе решили, что нужна засада. Но тот вообще никогда не задумывался над тем, что говорит.

— Да, — почти не разжимая губ, произнес Рэднор. — Именно так. — Он переменял тему разговора: — Ну, Сид, когда встанете на ноги, загляните ко мне. А пока набирайтесь сил.

Он неуверенно кивнул, потом они с доктором переглянулись и направились к двери, перед которой потоптались еще немало, уступая друг другу дорогу.

Ага, значит, Рэднор не очень торопится снова взять меня на работу. Если бы у меня хватило сил, я бы улыбнулся. Когда он предложил мне место у себя в агентстве, я сразу догадался, что это мой тесть подергал где-то за нужные ниточки. «Почему бы и нет?» — решил я. Мне на все было наплевать.

«Почему бы нет?» — так я ответил и Рэднору, и он взял меня в отдел скачек для розыскной работы. Его вроде бы не смущало, что у меня совершенно нет опыта. Другим же сотрудникам он объяснил, что меня следует использовать в качестве консультанта, поскольку я прекрасно знаю правила игры. Сотрудники восприняли его слова сдержанно. Наверно, они понимали, как понимал и я, что работу мне дали из жалости. Возможно, они думали, что меня распирает от гордости, поскольку я заслужил жалость в такой завуалированной форме. Но меня не распирало. В той форме или в другой — мне было наплевать.

Агентство Ханта Рэднора состояло из отделов, занимавшихся розыском пропавших лиц, разводами и охраной имущества. Оно также предоставляло клиентам телохранителей и караульных для скаковых лошадей. Был и еще один отдел — почти такой же большой, как все остальные, вместе взятые, — который назывался *Bona fides*¹. Его работа заключалась в постоянном и тщательном сборе сведений о людях, компаниях, фирмах, которые интересовали клиентов. Иногда такое расследование приводило к гражданским делам в суде или к разводу. Но чаще отдел *Bona fides* просто посылал заказчикам отчеты с интересующими их сведениями. Уголовные дела встречались крайне редко. Случай с Эндрюсом оказался единственным за три месяца.

Любимым детищем Рэднора был отдел скачек. Мне рассказывали, что, когда Рэднор после Второй мировой войны, получив армейское пособие, купил агентство, этого отдела не существовало. Он сумел превратить убогий офис, размещавшийся в трех комнатах, в поистине британское учреждение. Для рекламных буклетов он выбрал девиз: «Быстрота. Эффективность. Тайна». И агентство строго следовало этому девизу, а клиенты получали все, что хотели. До войны Рэднор сам участвовал в скачках как любитель. Скачки были основной страстью его жизни, и он сумел убедить Жокей-клуб и Национальный охотничий комитет, что его агентство способно оказывать им неоценимые услу-

¹ Добросовестность (лат.). — Здесь и далее примеч. перев.

ги. Солидные организации вначале осторожно попробовали дно, но, убедившись, что брод надежный, заключили союз с Рэднором. Отдел скачек процветал. В конце концов частное детективное агентство Рэднора превзошло официальный отдел расследований при Национальном охотничьем комитете. А когда Рэднор начал обеспечивать охрану лошадей-фаворитов перед скачками, конкурентов у него не осталось.

К тому времени, когда я пришел в фирму, отдел скачек и *Bona fides* так разрослись, что каждый из них занимал целый этаж. За вполне приемлемую плату тренер мог здесь узнать характер и прошлое владельца, лошадей которого он предполагал тренировать, букмекер мог проверить надежность клиента, клиент — букмекера, каждый — каждого. Фраза «Проверено у Рэднора» вошла в сленг участников и зрителей скачек. Это значило: неподдельный, заслуживающий доверия. Я даже слышал, как этой фразой оценивали лошадь.

Мне никогда не поручали дела *Bona fides*. Эту работу выполняли неприметные отставные полицейские средних лет, которым требовалось минимум времени для получения максимальных результатов. Меня никогда не посылали сторожить ночью бокс с лошастью-фаворитом, хотя я охотно выполнял бы такие задания. Меня никогда не включали в команду, которой предстояло следить за безопасностью лошадей на ипподроме. Если распорядители скачек просили прислать оперативников, чтобы не спускать глаз с нежелательной на соревнованиях персоны, то ехал на ипподром не я. Если кто-то вылавливал мошенников в зале тотализатора, то это тоже был не я. Рэднор всегда одинаково объяснял, почему он не дает мне подобных заданий. Во-первых, я был слишком известен в мире скачек, чтобы остаться на ипподроме незамеченным. И во-вторых, он не может позволить себе давать бывшему жокею-чемпиону задания, которые роняли бы его престиж, хотя мне и было наплевать.

В результате почти весь день я слонялся по офису или читал донесения других. Если кто-нибудь просил у меня совета, а предполагалось, что ради этого я и околачиваюсь в конторе, то он получал совет. Если меня просили разъяснить какие-то тонкости в правилах, то я их разъяснял. Постепенно я познакомился почти со всеми оперативниками и знал все слухи, которые они приносили в офис. У меня всегда было время. Если я просил среди недели выходной и проводил его на скачках, никто

не упрекал меня. Иногда у меня мелькала мысль: заметил бы кто-нибудь мое отсутствие, если бы я не предупредил о нем?

Время от времени я обращал внимание Рэднора на то, что его никто не обязывает держать меня в агентстве, ведь я не обрабатываю своего жалования. Но каждый раз он говорил, что его устраивает сложившееся положение вещей. У меня создалось впечатление, что он выжидает, но если не того момента, когда я уйду, то чего же? Я не знал. В тот день, когда я получил пулю от Эндрюса, исполнилось ровно два года моей своеобразной службы в Ассоциации Ханга Рэднора.

Пришла сестра, снова наполнила капельницу, измерила мне давление. Чопорная и профессиональная, она улыбалась, но не проронила ни слова. Я ждал, не скажет ли она, что жена сидит в приемной и тревожится о моем состоянии. Но сестра ничего не сказала. Моя жена не приходила и не придет. Если я не мог удержать ее, когда был в полном порядке, то о чем можно мечтать полумертвому?

Дженни. Моя жена. Все еще моя жена, хотя уже три года мы жили отдельно. Сожаление о прошлом удерживало нас от последнего шага к разводу. Мы пережили страсть, восторг, раздоры, злость и бурные ссоры. Осталось только сожаление, да и то не такое сильное, чтобы привести ее в больницу. Слишком часто она видела меня в больницах и раньше. Дженни уже не воспринимала белые халаты и капельницы как драму, как удар. Она не придет. Не позвонит. Не пришлет записку. Глупо с моей стороны ждать от нее такого.

Время тянулось медленно, и меня это не радовало. Но постепенно все капельницы, кроме одной, убрали, и я начал поправляться. Полиция не нашла Эндрюса, Дженни не пришла, машинистка Рэднора прислала мне красиво напечатанные открытки с пожеланием здоровья, а больница — счет.

Однажды вечером появился Чико: руки в карманах, на лице — обычная снисходительная ухмылка. Он не спеша оглядел меня и улыбнулся, будто ничего и не случилось.

- Вместо меня она досталась тебе, дружище, — сказал он.
- Пошел к черту.

Чико засмеялся. И было чему. Я в ту ночь дежурил в офисе потому, что он пошел на свидание с девушкой. Иначе пуля Эндрюса могла бы превратить в перечницу его кишки, а не мои.

— Эндрюс, — задумчиво протянул он. — Кто бы мог подумать? Этот маленький вонючий трус. Но все равно, если бы ты сделал, как я тебе сказал, — сидел бы спокойно в умывальной и наблюдал за тем, что он делает, — мы бы потом поймали его. Легко и без лишних хлопот. И ты, как всегда, слонялся бы без дела по офису, а не валялся тут.

— Что теперь говорить, — отмахнулся я. — А что бы ты сделал на моем месте?

— Наверное, то же, что и ты, — фыркнул Чико. — Мне бы хотелось подвесить ему один-два хвоста из отставных полицейских и посмотреть, куда он пойдет, кто его послал.

— А теперь мы не знаем.

— Не знаем, — вздохнул он. — И шеф не очень доволен этой историей. Он знал, что я собираюсь использовать офис как ловушку, но считал, что мышеловка не сработает. И получилось, что он оказался прав. Ему все это не нравится. Они могли бы подложить в офис бомбу, говорит он, а не посылать трусливого воришку. Шеф склонен отступить, спустить дело на тормозах. И конечно, этот идиот Эндрюс, когда влезал, разбил стекло, и, видимо, мне придется заплатить. Представляешь, этот маленький паршивец не сумел открыть задвижку.

— Я заплачу за стекло, — сказал я.

— Да уж, — усмехнулся он. — Я так и рассчитывал, что ты заплатишь, если я скажу тебе об этом.

Чико прошелся по палате, рассматривая обстановку. Хотя рассматривать особенно было нечего.

— Что это за бутылка, из которой капает тебе в руку?

— Насколько я могу судить, что-то вместо еды. Мне тут ни разу не давали есть.

— Боятся, наверно, что кишки опять прохулятся.

— Да, наверно.

— А почему у тебя нет здесь телевизора? — Он обвел глазами палату. — Тебе стало бы веселее, если бы ты увидел, как другие глупые ублюдки получают пулю. Разве нет? — Он посмотрел на картонку, висящую в ногах на спинке кровати. — У тебя утром температура была тридцать девять и две, тебе сказали? Ты не считаешь, что ее надо сбивать до прихода сестры?

— Нет.

— Похоже, что рассыльный Джонс говорил правду. Он болтал, будто из тебя на пол вытекло столько крови, что можно было бы сделать несколько маленьких пудингов.

Я не оценил чувство юмора Джонса.

— Ты вернешься в агентство? — спросил Чико.

— Может быть.

Чико подошел к окну и принялся завязывать узелки на шнурах штормовых портов. Я наблюдал за ним. Худой, сутулый, он был настолько переполнен энергией, что ни минуты не мог посидеть спокойно. Чико провел в засаде в умывальной комнате две бесплодные ночи, прежде чем на третью я сменил его. И я знал: если бы он не был так увлечен работой, то не смог бы перенести десять часов полного бездействия. В команде Рэднора Чико был по возрасту самым младшим. Он считал, что ему двадцать четыре года, но точно этого никто не знал, потому что младенцем его в детской коляске оставили на ступеньках полицейского участка.

Если бы полицейские не относились к нему по-братски, говорил Чико в минуты откровенности, то он бы воспользовался преимуществами запоздалого физического развития и стал правонарушителем. Он так и не вырос и остался невысоким, поэтому не смог стать полицейским. Казалось, он просто создан для агентства Рэднора. Чико работал блестяще, соображал быстро, и ни у кого в агентстве не было такой реакции, как у него. Он увлекался дзюдо и борьбой, но, кроме бросков и захватов, принятых на спортивной арене, знал и приемы покруче. Хотя по росту он, наверно, был самым маленьким в агентстве Рэднора, это никак не влияло на эффективность его работы.

— Как продвигается дело? — спросил я.

— Какое дело? А, это... Ну, после того как ты получил пулю, горячка, кажется, миновала. После той ночи Бринтону не угрожали по телефону и не присылали писем. Видно, тот, кто точил на него зуб, смылся. Бринтон чувствует себя почти в безопасности и цапается с шефом по поводу платы. Еще день-два, и я сдам дело в архив. Бедный Бринтон, кто же теперь будет держать его ночью за руку, чтобы он спокойно спал? В любом случае это дело уже не мое. Завтра я полечу из Ньюмаркета в Ирландию в одном боксе с жеребцом, который стоит сто тысяч фунтов.

Сопровождать лошадей — еще одна мелкая работенка, которую мне никогда не поручали. Чико любил ее и ездил часто.

После того как однажды он перебросил через стену высотой в семь футов предполагаемого злоумышленника весом пятнадцать стоунов¹, на него всегда был большой спрос.

— Ты обязательно должен вернуться, — неожиданно сказал Чико.

— Почему? — удивился я.

— Не знаю... — Он соорудил гримасу. — Глупо, конечно, ведь ты там только ходишь и улыбаешься, но все привыкли, что ты рядом. Понимаешь, дружище, ты удивишься, но без тебя чего-то не хватает.

— Понимаю, ты шутишь.

— Ага... — Чико развязал узлы на шнуре шторы, засунул руки в карманы брюк и вдруг вздрогнул. — Бог знает почему в этой палате мурашки бегают по спине. Тут очень жарко и воняет дезинфекцией. Противно. Ты что, собираешься здесь пустить корни? Когда тебя отпустят?

— На днях, — неуверенно пробормотал я. — Счастливого пути.

— До свидания. — Чико кивнул и с облегчением ринулся к двери. — Тебе надо что-нибудь? — спросил он, взявшись за ручку. — Книги или еще что?

— Спасибо, ничего не надо.

— Ничего... В этом ты весь, Сид, дружище. Ничего не хочешь. — Он улыбнулся и исчез за дверью.

Я ничего не хотел. В этом я весь. Я имел то, что хотел больше всего на свете, и безвозвратно потерял. И я не нашел ничего взамен утраченного. Я смотрел в потолок и ждал, пока пройдет время. Я желал одного: встать на ноги и не чувствовать себя так, будто съел сто фунтов зеленых яблок.

Через три недели после того, как я получил пулю в живот, меня навестил тесть. Он пришел под вечер, принес маленький сверток и без слов положил на стол возле кровати.

— Ну, Сид, как ты себя чувствуешь? — Тесть удобно расположился на легком стуле, закинул ногу на ногу и закурил сигару.

— Поправляюсь. Более или менее. Скоро выйду отсюда.

---

¹ *Стоун* (стон) — мера измерения массы, равная 14 английским фунтам, или 6,35 кг. 15 стоунов — около 95 кг.

— Прекрасно. Прекрасно. И какие у тебя планы?

— Никаких.

— Ты же не сможешь вернуться в агентство, не... э-э... вы-здоровев, — заметил он.

— Видимо, не смогу.

— Наверно, ты предпочел бы погреться где-нибудь на солнце, — сказал он, изучая кончик сигары. — Но я был бы рад, если бы ты провел несколько дней со мной в Эйнсфорде.

Я не сразу ответил.

— А где будет?.. — начал я и замолчал в нерешительности.

— Нет, — успокоил он меня. — Ее там не будет. Она уезжает в Афины и немного поживет там с Джил и Тони. Я видел ее вчера, она просила передать тебе привет.

— Спасибо, — сухо произнес я.

Как всегда, я сам не понимал, радоваться мне или огорчаться, что не встречу со своей женой. И я не был уверен, что ее поездка к сестре Джил не носит такого же дипломатического характера, как работа Тони в министерстве иностранных дел.

— Так как? Миссис Кросс быстро поставит тебя на ноги.

— Хорошо, Чарлз, спасибо. Я с удовольствием немного побуду у вас.

Он зажал в зубах сигару, сощурил от дыма глаза и достал свою записную книжку:

— Та-ак, давай посмотрим. Предположим, тебя выпишут на следующей неделе... Нет смысла спешить, пока ты не окрепнешь, чтобы выдержать дорогу. Допустим, двадцать шестого... Хм, предположим, ты приедешь в конце недели, в субботу и в воскресенье я буду весь день дома. Тебя устраивает такой план?

— Да, очень хорошо. Если врачи согласятся.

— Да, конечно.

Он записал дату в записную книжку, спрятал ее в карман и осторожно вынул сигару изо рта. Чарлз смотрел на меня, и на лице его светилась обычная загадочная, непроницаемая улыбка. Темный деловой костюм, хорошие манеры. Контр-адмирал в отставке Чарлз Роланд. Он легко нес груз своих шестидесяти шести лет. С его военных фотографий смотрел высокий, с хорошей выправкой, худощавый человек с огромным лбом под шапкой темных густых волос. Со временем волосы его поседели и поредели, отчего лоб стал еще выше, но адмирал выглядел

таким же стройным, как на фотографиях. У него были удивительно обаятельные манеры, которые иногда становились покровительственными до оскорбительности. Я на себе испытал и то и другое.

Теперь он спокойно сидел и неторопливо обсуждал новости скачек:

— Что ты думаешь об этих новых соревнованиях в Сендауне? Не знаю, как у тебя, а у меня их организация вызывает тревогу. Там слишком маленький ипподром для таких правил. И если не будет бежать Девилс Дайк, то на скачки никто не придет.

Адмирал заинтересовался конным спортом лишь несколько лет назад, однако недавно его пригласили в качестве распорядителя скачек на новые соревнования в Сендаун. Он принял предложение с большим удовольствием. Меня очень забавляло его поверхностное знакомство с проблемами и жаргоном скачек, хотя я не подавал виду. Невозможно было забыть, как враждебно отнесся он много лет назад к тому, что его дочь Дженни обручилась с жокеем, как отказался знакомиться со мной, своим будущим зятем, не пришел на свадьбу и потом долгие месяцы просто не замечал меня, не разговаривал со мной и даже не смотрел в мою сторону.

В то время мне казалось, что это явный снобизм, но такое объяснение было бы слишком простым. Конечно, он не считал меня достойным своей дочери, но не только и даже не столько из-за классового неравенства. Возможно, мы никогда не поняли бы друг друга и уж тем более не почувствовали взаимной симпатии, если бы не дождливый полдень и шахматы.

Дженни и я приехали в Эйнсфорд с одним из редких и болезненных воскресных визитов. Почти в полном молчании мы съели ростбиф. Отец Дженни смотрел в окно и барабанил пальцами по скатерти. Я мысленно решил, что вдвоем мы больше сюда не приедем. С меня хватит. В конце концов, Дженни может навещать его одна.

После ланча Дженни сказала, что, поскольку мы купили новый книжный шкаф, она хочет забрать кое-какие книги, и поднялась наверх в свою комнату. Чарлз Роланд и я с отвращением смотрели друг на друга, впереди нас ждал бесконечный скучный день. Непрерывающийся дождь лишал возможности спастись от неприятного общества в саду или парке.

— Вы играете в шахматы? — спросил он скучным голосом, явно ожидая отрицательного ответа.

— Знаю, как ходят фигуры, — таким же скучным тоном ответил я.

Он пожал плечами — это движение больше походило на судорогу, — но, видимо решив, что это все же лучше, чем поддерживать разговор, принес доску, расставил фигуры и жестом предложил мне сесть напротив. Обычно Чарлз играл хорошо, но в тот день он был раздражен и невнимателен, предвидя скуку общения со мной. Я легко выиграл партию. Он не мог поверить, что его король в ловушке. Чарлз уставился на доску и разглядывал слона, которым я объявил шах.

— Где вы учились? — наконец спросил он, не поднимая на меня глаз.

— По книгам.

— Вы часто играете?

— Нет, довольно редко. Но мне приходилось играть с очень сильными шахматистами.

— Хм... — Он помолчал. — Сыграете еще одну партию?

— Да, если хотите.

И мы начали играть. Партия продолжалась страшно долго и закончилась вничью, когда на доске фактически не осталось фигур. Через две недели он позвонил и пригласил меня приехать с ночевкой. Это была первая оливковая веточка с его стороны. Мы с Дженни стали приезжать в Эйнсфорд чаще и охотнее. Чарлз и я тотчас садились за шахматы, и каждый выигрывал столько же партий, сколько другой. Потом Чарлз стал приезжать на скачки. Ирония судьбы проявилась в том, что наше обоюдное уважение выросло настолько, что пережило крах моего брака с Дженни, а интерес Чарлза к скачкам с каждым годом становился все глубже и сильнее.

— Вчера я ездил в Аскот, — продолжал он, стряхивая пепел. — Несмотря на непогоду, публики собралось много, как обычно. Мы с Джоном Пэгеном выпили — ты его знаешь, он жокей. Симпатичный парень. Он был очень доволен, потому что на последних соревнованиях получил на шесть штрафных очков меньше, чем в предыдущий раз. После заезда на три мили поступил протест: в группе лидеров Картер прижал к барьеру фаворита — наверно, думал, что под проливным дождем этого

СОДЕРЖАНИЕ

ИГРА БЕЗ КОЗЫРЕЙ <i>Перевод Д. Прошуринной</i>	5
ВТОРАЯ РУКА <i>Перевод А. Хромовой</i>	235
ДОРОГА СКОРБИ <i>Перевод Е. Дрибинской</i>	507